Где бы он ни был, всякий раз, когда он слышал новости о фронте, сердце Нангонг Цзе всегда опускалось так сильно.

Он никогда не ожидал, что император действительно согласится на просьбу Нангун Чена и отпустит его на линию фронта, чтобы вести войска в бой.

В течение более двух лет, он сделал много красивых вещей под глазами императора, даже если он вел войска, чтобы бороться, это была не ее очередь, чтобы быть Нангонг Чен, он не мог понять, император "Есть ли что-то не так?" Зачем императору это делать.

Успокоившись и размышляя, Нангонг Цзе, наконец, понял причину, по которой император сделал это, то есть, чтобы сбалансировать власть между ним и Нангонг Ченом, не хотел, чтобы он был единственным при дворе, это было единственное объяснение.

Кажется, что в сердце императора, его собственный вес все еще не так велик, как Нангонг Чен, его собственная тяжелая работа в течение этих двух лет, его положение в сердце императора, только равна Нангонг Чен.

Внутри комнаты Нангонг Цзе не двигал мышцами, как статуя.

Рука Чун Мэй, держащая поднос, была заморожена красным цветом, и в этот момент она не знала, стоит ли ей заходить или возвращаться.

Нангонг Цзе увидел брызги алого цвета в дверном проеме, и когда он узнал, что это Чун Мэй был на улице, ничего не сказав, он кашлянул немного, хрипло и сказал: "Почему ты стоишь на улице и не входишь?".

Увидев, что Нангонг Цзе нашел себя, Чун Мэй склонила голову и вошла.

Положив поднос крепко на стол, Чун Мэй поднял чашу со льдом из сахара и сычуаньских моллюсков и сказал: "Горло хозяина в эти дни неудобно, верно, я тушил этот ледяной сахар и сычуаньские моллюски водой".

Нангун Цзе посмотрел на нее молча, во всем особняке, Чун Мэй считался тем, кто понимал его, были некоторые вещи, не говоря уже об этом сам, сердце Чун Мэй понял, перед ней, он не должен был притворяться ничем вообще.

Чун Мэй опустила голову, аккуратно зачерпнула ложку воды из Чуань Бэй и отправила ее в рот Нангун Цзе, но Нангун Цзе не открыл рот.

С широкими глазами, глядя на Нангонг Цзе, у Чун Мэй было озадаченное выражение лица.

Чун Мэй положил чашу обратно на стол и снова подошел к Нангун Цзе, аккуратно вытирая рот носовым платком.

Как только Нангонг Цзе взял ее на руки, Чун Мэй, казалось, боролся, но услышал, как Нангонг Цзе сказал: "Позволь мне обнять тебя".

Нангонг Цзе ясно чувствовал, что тело перестает двигаться, он похоронил голову глубоко в груди, это было так тепло, как когда он баловал себя в руках королевы.

Сердце Чун Мэя дико билось, она не знала, случится ли что-нибудь с ними, если это будет продолжаться долгое время.

У него нет меня в сердце, и даже если бы он это сделал, с моим статусом, я просто наложница, то, что он на самом деле есть в его сердце, что одна женщина, что женщина по имени Никко Лю, Chun Mei думала сама с собой.

В этот момент, Нангонг Цзе был тот, кто выглядел измученным, как будто он рухнет в любой момент без Чун Мэй перед ним.

"Твое сердце так быстро бьется". Нангонг Джи роптал.

Сразу же лицо Чун Мэй почувствовало, как будто оно горит, и она почувствовала, что ее сердце бьется еще быстрее.

Рука Нангонг Цзе спустилась вниз, и он почувствовал, как тело Чун Мэя на мгновение вздрогнуло.

Затем его рука остановилась на талии Чун Мэй.

С закрытыми глазами и чувствуя, что тепло глубоко, лицо другого человека на самом деле появились в его сознании.

Эти яркие глаза были похожи на весенний снег, без пыли, и смотрели на него невинным лицом.

Рука Нангонг Джи немедленно отпустила.

Никко Лю.

Куда ты пошла? Почему вы сказали, что исчезли? Я вообще ничего о тебе не слышу?

До самого конца света, где бы ты ни был, я обязательно тебя найду.

http://tl.rulate.ru/book/40305/1272351